

Язык, сознание, коммуникация: Сб. научных статей, посвященный памяти заслуженного профессора МГУ Александры Гигорьевны Широковой / Ред. колл.: В. В. Красных, А. И. Изотов, В. Г. Кульпина. – М.: МАКС Пресс, 2009. – Вып. 38. – 200 с. ISBN 978-5-317-02898-5

СОЦИУМ И ЛИТЕРАТУРА

Славянские литературы в эпоху глобализации. «Перезагрузка» идентичности

© доктор филологических наук Н.Н. Старикова, 2009

*“Человек входит в человечество через национальную
индивидуальность, как национальный человек”
Н. Бердяев*

Заявленная проблема достаточно сложна и в настоящий момент широко не представлена в современном отечественном литературоведении. Едва ли не единственной пока попыткой комплексно взглянуть на неё стал сборник «Литература и глобализация (К вопросу идентичности в культурах Центральной и Юго-Восточной Европы)», подготовленный российскими и словенскими учёными в 2006 г.¹ Но и в статьях этого сборника проявления национальной (славянской) идентичности в период нарастания глобализационных процессов авторами лишь нащупываются. Неудивительно – ведь нынешнее представление о том, каким образом формируется само понятие идентичности в культуре и литературе размыто. И это объяснимо, ибо, как справедливо заметил английский социолог Ник Стивенсон, “поиск составляющих коллективной и индивидуальной идентичности постоянно продолжается”², т.е. речь идет об активно текущем, развивающемся процессе.

Актуальность этой проблеме придает и тот факт, что мы, существуя в эпоху глобализации, сами невольно становимся участниками глубинных изменений культурных стереотипов. Глобализация придала современному миру невиданную динамику, став для наций и национальных государств (в том числе и молодых) своеобразным тестом на выживание. Являясь одной из доминирующих тенденций развития современной цивилизации, она оказывает исключительно сильное воздействие не только на социально-экономические и политические, но и на культурологические аспекты развития общества. Развитие средств коммуникации в условиях принципиально иной структуры информационных процессов также влияет и на смену ценностных ориентиров общества, что,

¹ Литература и глобализация (К вопросу идентичности в культурах Центральной и Юго-Восточной Европы). – Любляна, 2006.

² Стивенсон Н. Глобализация, национальные культуры и культурное гражданство // Глобализация: контуры XXI века. ИНИОН РАН. Часть III. – М. 2004. – С. 12.

Язык, сознание, коммуникация: Сб. научных статей, посвященный памяти заслуженного профессора МГУ Александры Гигорьевны Широковой / Ред. колл.: В. В. Красных, А. И. Изотов, В. Г. Кульпина. – М.: МАКС Пресс, 2009. – Вып. 38. – 200 с. ISBN 978-5-317-02898-5

в свою очередь отражается на выборе духовных приоритетов. Сегодня в культурном плане мир кажется еще более многообразным, чем в недавнем прошлом. Возросло число национальных государств, усилилось стремление этнических групп к самоопределению, в контексте мировых экономических событий возрастает значение культурного измерения. Нации и этносы озабочены поиском своей культурной принадлежности, и это стремление осознанно. И при этом ни одна культура сейчас не существует изолированно от творческих поисков других и "...точная оценка любого национального опыта невозможна без учета опыта мирового"³. Как отмечал в своем докладе на XIII Международном съезде славистов профессор Ф. Берник, "национальная культура, которая хочет в период глобализации сохраниться и сохранить собственную достоверность не может поддаваться внешним соблазнам и в то же время не может изолироваться от них, отказаться от встречи лицом к лицу с вызовом времени"⁴.

В то же время в последнее десятилетие XX первые годы XXI века интенсифицируются процессы интеграции, "экономические силы подталкивают к крушению национальных барьеров"⁵, происходит так называемая "макдональдизация" или "вестернизация" национальных культур, т.е. последовательное подчинение западным ценностям и западному образу жизни всех активных слоев населения планеты. Это усугубляется процедурой отчуждения традиционных ценностей, экспансией массовой культуры, мифологизацией мышления. С культурологической точки зрения это вполне "тянет" на новую гуманитарную революцию, в результате которой многие традиционные национальные и этнические культуры претерпят изменения и могут быть существенно деформированы. В условиях вынужденной адаптации национальных ценностей к новой геополитической, экономической, коммуникационной ситуации механизм национальной и культурной самоидентификации и осознания национальной идентичности естественно усложняется, требует "перезагрузки".

Идентичность как логическая категория означает отношение, члены которого тождественны друг другу. Эта проблема продолжает оставаться в центре внимания литературоведения XXI в., во второй половине XX в. к ее феномену обращались французские постструктуралисты и американские деконструктивисты (Ж.Деррида, Ж.Делёз, Ж.Лиотар, Ю.Кристева, Д.Х.Миллер). Теоретик Франкфуртской школы, философ и

³ Андреев Л.Г. Литература у порога грядущего века // Вопросы литературы, 1987. С. 35.

⁴ Bernik F. Kulturna identiteta v obdobju globalizacije. Nevarnosti in perspective // Slavistična revija. Posebna številka. Zbornik referatov za trinajsti mednarodni slavistični kongres. – Ljubljana. 2003. 51/8. – S. 7.

⁵ Цит. по: Уткин А.И. Глобализация: процесс и осмысление. – М., Логос, 2004. – С. 7.

Язык, сознание, коммуникация: Сб. научных статей, посвященный памяти заслуженного профессора МГУ Александры Гигорьевны Широковой / Ред. колл.: В. В. Красных, А. И. Изотов, В. Г. Кульпина. – М.: МАКС Пресс, 2009. – Вып. 38. – 200 с. ISBN 978-5-317-02898-5

культуролог Теодор Адорно в “Эстетической теории” (1970) отмечал, что искусство есть форма распоряжающегося природой разума, и произведение может состояться только тогда, когда язык, звуки, форма, цвет собираются в некое единство. Идентичность – это чувство непрерывной самоидентичности, когда человек понимает образ “Я” целостным и неразрывным, в совокупности с культурными и социальными связями. Процесс адаптации личности не является постепенно-поступательным, он периодически резко нарушается, что вызывает кризис идентичности, стимулирующий в свою очередь следующий этап идентичности или социализации (например, переход от семейных ценностей к общечеловеческим). Американские психологи Б. Слугоский и Дж. Гинзбург подчеркивают, что люди используют объяснительные дискурсы, чтобы “скоординировать проецируемые ими идентичности, т.е. проекты своего “Я”, внутри которых они должны выжить”⁶. Т.е. они пересмотрели модель эго-идентичности как способ лингвистического саморассказа о себе и других. Эго-рассказы обусловлены конкретной эпохой во всех ее проявлениях, а человек видит себя таким, каким его видят другие. В их трактовке идентичность – это генерированный Другой. К сходным выводам приходит Ж.Лакан, отталкиваясь от совершенно иных предпосылок. По мнению ученого, идентичность является сферой, где личность существует и действует в качестве целого, это характеристика отношения человека к самому себе, его “самопринадлежность”. В другом контексте, который можно обозначить как социокультурный, идентичность подчеркивает принадлежность индивидуума коллективу. Согласно типу коллектива (государство, нация, этническая, культурная, группа, субкультура) можно выделить идентичность политическую, национальную, культурную, субкультурную, гендерную.

Представляется, что механизм обновления / “перезагрузки” национальной идентичности – ключевая проблема современного мира, т.к. именно этот тип идентичности способен оказать противодействие стандартизации, этому порождению общества потребления, и тем самым, притормозить силовое цивилизационное самоутверждение. В этой связи актуальным представляется вопрос о роли и месте постмодернизма, “наиболее адекватного духу времени выражения и интеллектуального, и эмоционального восприятия эпохи”⁷, в формировании новой идентичности современных славянских литератур.

Возникновение постмодернизма связывают с кризисным состоянием современной цивилизации в целом и общественного сознания в частности и с общим изменением социокультурной ситуации, в которой под

⁶ Text of Identity / Ed. J. Shotter. – London, New York, 1989. – S. 50.

⁷ Ильин И.П. Постмодернизм от истоков до конца столетия: эволюция научного мифа. – М., 1998. – С. 5.

Язык, сознание, коммуникация: Сб. научных статей, посвященный памяти заслуженного профессора МГУ Александры Гигорьевны Широковой / Ред. колл.: В. В. Красных, А. И. Изотов, В. Г. Кульпина. – М.: МАКС Пресс, 2009. – Вып. 38. – 200 с. ISBN 978-5-317-02898-5

воздействием масс-медиа начали формироваться стереотипы массового сознания. Применительно к литературе, наиболее рациональным представляется рассматривать это явление как синтез или сумму приемов, необходимых для выработки универсального художественного языка путем сближения и сращивания, интерференции и конвергенции различных литературных направлений. При этом национальное своеобразие постмодернистской художественной продукции несмотря на интеграционные аспекты поэтики в первую очередь определяют национальный язык, национальная литературная традиция, национальный склад мышления, тип юмора и иронии, а уже во вторую очередь всемирная культурная традиция и контекст (мировой, континентальный, региональный и т.д.).

Пересечением векторов постмодернизма и идентичности в европейской культуре последних десятилетий XX века занимались Жак Деррида и Цветан Тодоров. По мысли первого, перекликающейся с борхесовской идеей капиллярности культуры, культура не замыкается в себе т.к. не может быть монологичной: множественность источников связывает ее с другими культурами, обеспечивая ей необходимый для выживания диалог. Второй развивает идею “жанровых кодов”, согласно которой современная культура занимает место между мифом и логосом, и они могут познавать друг друга только через полилог национальных культур. Именно эти исследования, а также постмодернистская трактовка истории, восстанавливающая бережное отношение к национальному прошлому, разрушенному модернизмом, активизируют интерес к проблеме идентичности. Еще Эко подчеркивал, что постмодернизм дает широкие возможности принять участие в языковой метаигре, причем неподготовленный читатель имеет право не обращать внимание на иронический подтекст, а воспринимать произведение прямолинейно, как пересказ сказки и фантазию. Интертекстуальный диалог между новым произведением и традицией, диалог автора постмодернистского текста как с элитарным, так и с неподготовленным читателем дает возможность, используя формулировку немецкого литературоведа Ханса Яусса, “удовлетворить любые горизонты ожидания”⁸.

Другой стимул повышения внимания к национальной идентичности – усиливающееся противодействие стандартизации, навязывания американского образа жизни. Вот что писал чешский прозаик Людвик Вацулик в 1987 г.: “Американец знает, что пришел из Европы, и не отрекается от своего родства. Он печется о европейском наследии и при случае скупает его. Однако гомогенность пространства и языка слегка отчуждает его от нас: обратите внимание, как он с нами общается. Иногда он охотнее всего – в наших интересах, конечно! – размазал бы нас по

⁸ Яусс Х.Р. Западное литературоведение XX века. Энциклопедия. – М., 2004. – С. 487.

Язык, сознание, коммуникация: Сб. научных статей, посвященный памяти заслуженного профессора МГУ Александры Гигорьевны Широковой / Ред. колл.: В. В. Красных, А. И. Изотов, В. Г. Кульпина. – М.: МАКС Пресс, 2009. – Вып. 38. – 200 с. ISBN 978-5-317-02898-5

стенке одним ударом. Но не может, потому что по воспитанию и по крови он в основном европеец. Не будь этого, он бы, пожалуй, превратил Нидерланды в сплошную бетонку для своих антисоветских самолетов, в немецких горах построил бы комфортабельные бункеры для нашего выживания, а в Польше и на Украине у него был бы полигон; пожалуй, только Францию он оставил бы как есть в качестве приятного тыла”⁹.

Массовое “открытие” постмодернизма в славянских литературах совпало с так называемым третьим этапом (третьей фазой) его развития, когда после декларации иннационального в 1960-е и лозунгов культурного плюрализма в 1970-е, постмодернизм обращается к поиску аутентичности бытия. Во второй половине 1980-х гг. ядром содержания постмодернистского искусства становится множественность национальных культур, единство прошлого и новизны, высокого и низкого. В славянских литературах, с одной стороны, намечается поворот к национальным образцам, с другой – к миноритарным направлениям: экологическому, феминистскому, гендерному. Художественное слово демонстрирует широчайшие возможности соединения с другими родами искусства и наукой, возникает термин “металитература”, который призван подчеркнуть неограниченное число комбинаций. Это проявляется, прежде всего, в сочетании развлекательности фабульной литературы с приемами интеллектуального романа. Постмодернизм третьей фазы претендует на всеохватность, формируя “роман культуры” на национальной почве. Для этого типа характерно сведение воедино гуманистических ценностей с акцентированием национального своеобразия отдельных (славянских) литератур. И при этом постмодернистские трансформации необходимы не для того, чтобы противостоять, уничтожая другого или предшествующего, а для гармонического баланса с ними, постепенного вживания их в себя. Может быть, в этой паритетности и есть ключ к обновлению идентичности.

Особый характер постмодернистских явлений в славянских литературах обусловлен также тем, что они, активно “подключаясь” к уже сложившемуся ранее постмодернистскому видению мира, пытались в его стилистике описать собственный опыт. Здесь одной из причин его возникновения стала реакция литературы на стремление государства унифицировать традиционные художественные формы, подавить развитие новых, в том числе и постмодернистских литературных концепций. Авторы ставили целью выйти за рамки утилитарных и идеологически маркированных позиций. Последовавший крах социализма обнаружил в постсоциалистическом обществе едва ли не больше абсурда, чем на

⁹ Вацулик Л. Моя Европа (с тремя картинками) // Иностранная литература, 2001. №5. – С. 243.

Язык, сознание, коммуникация: Сб. научных статей, посвященный памяти заслуженного профессора МГУ Александры Гигорьевны Широковой / Ред. колл.: В. В. Красных, А. И. Изотов, В. Г. Кульпина. – М.: МАКС Пресс, 2009. – Вып. 38. – 200 с. ISBN 978-5-317-02898-5

Западе, и тоже стал питательной средой для постмодернистского эксперимента. И литературы славян стали искать опору во многих ключевых позициях философии постмодернизма: в устремленности к синкретизму мышления, в ощущении тотального кризиса цивилизации, в представлениях об исчерпанности старых взглядов на историю, в обесценивании “вечных” ценностей, в том числе кажущихся незыблемыми канонов красоты.

После знаковых изменений на карте Европы рубежа 1980-90-х годов, провозглашения новых государств, в отдельных славянских литературах явственно ощущалась некоторая растерянность, вызванная исчерпанностью основного предназначения национальной литературы – служить национальному делу. Практически впервые в истории эти литературы сбросили с себя оковы внеэстетических обязанностей, и перед ними встал естественный вопрос необходимости обновления художественного языка. Об этом в начале 1990-х очень точно сказал чешский прозаик Иржи Крадохвил: “По прошествии долгого времени чешская литература (оговорюсь, так же, как и словацкая, хорватская, словенская и даже польская) ... свободна и избавлена от всех общественных обязательств и народных чаяний, ... с наслаждением презирает все идеологии, миссии, служение народу или кому-нибудь еще”¹⁰.

Разрушив культурные границы, постмодернизм в славянских литературах, с одной стороны, способствовал высвобождению национального художественного сознания от комплексов и стереотипов, помогал преодолеть эстетический консерватизм, ослаблял путы ложно понятой зависимости литературы от национальных художественных авторитетов. С другой – помогал самоутверждению национального в литературе, поскольку в каждом конкретном случае характер осмысления и адаптации постмодернистских реалий зависел от специфики национального культурного пространства, историко-литературных традиций, художественного потенциала.

В новых условиях плюралистичность интерпретации и восприятия и интертекстуальность как выражение духовной интеграции, присущие постмодернистской поэтике, оказались востребованными. С ее помощью славянские литературы “встраивались” в общемировой литературный процесс, ощущая себя равными среди равных (постмодернизм как билет на вступление в ЕС). И при этом была удовлетворена внутренняя потребность самой литературы реагировать на сходные типологические условия времени. Понятийный аппарат и художественный инструментарий постмодернизма во многом способствовали тому, как публицистически остро славянские литературы зафиксировали умонастроения переходного времени, расставание с недавними национально-

¹⁰ *Kratochvil J. Příběhy příběhů. – Brno, 1995. – S. 83-84.*

Язык, сознание, коммуникация: Сб. научных статей, посвященный памяти заслуженного профессора МГУ Александры Гигорьевны Широковой / Ред. колл.: В. В. Красных, А. И. Изотов, В. Г. Кульпина. – М.: МАКС Пресс, 2009. – Вып. 38. – 200 с. ISBN 978-5-317-02898-5

культурными мифами и рождение мифов новых, отразили трансформацию чувства национального самоутверждения, часто представленного не апологией героических страниц отечественной истории, а разрушающим иллюзии критико-ироническим ее прочтением. Они активно ищут не только свое место в новой системе координат, но и новые способы взаимодействия с действительностью, желая быть полезными и востребованными как в условиях конкретных национально-государственных перемен, так и в контексте всей меняющейся европейской общественно-политической архитектоники. И в этом смысле круг проблем, вставших перед всеми славянскими литературами, сходен. Это и проблема “выживания” в условиях рынка, отсюда – тенденция общего “облегчения” и “тривиализации” литературных жанров в сторону детектива, триллера, фантастики, зачастую в славянском варианте усугубляющаяся еще и огромным количеством переводной и не всегда качественной, но доступной продукции, которая “забывает” отечественную. И востребованность так называемых паралитературных жанров: политических мемуаров, нехудожественных автобиографий, путевых записок, переписки известных людей. И развитие направлений, ранее почти не представленных: литературы сексуальных меньшинств, эротической беллетристики, виртуальной литературы.

В разных литературах постмодернистские тенденции ассимилируются по-своему, имеют свою национальную специфику. В русской литературе постмодернизм, пройдя через статус неофициального искусства, вызрев в андерграунде, “возвратившись” и легализовавшись, продолжает помогать искусству преодолевать авторитарность любого рода. В Чехии и Болгарии – налицо установка на элитарную прозу, выходящую из-под пера рафинированных писателей-филологов, для украинских и белорусских литераторов постмодернизм – средство социального протеста, языкового самоутверждения и одновременного демонстрация крайнего экспериментаторского радикализма, в словенской литературе через постмодернистскую практику преодолевается инерция многовековой национальной самозащиты. У авторов Польши художественная миссия постмодернизма ассоциируется с политическими переменами и отходом от романтического дискурса, а для литературы Македонии – это отвечающий национальной специфике молодой литературы способ эстетического познания реальности и одновременно интеграции.

И практически везде постмодернизм стимулирует ироническое отношение к национальным музам и национальной классике и дает славянским авторам дополнительную свободу маневра среди разных художественных школ и направлений прошлого и настоящего, способствуя художественному обогащению литератур, продуцирует новые жанровые модификации, являясь идеальным экспериментальным пространством. При этом одной из его “славянских” особенностей стал так назы-

Язык, сознание, коммуникация: Сб. научных статей, посвященный памяти заслуженного профессора МГУ Александры Гигорьевны Широковой / Ред. колл.: В. В. Красных, А. И. Изотов, В. Г. Кульпина. – М.: МАКС Пресс, 2009. – Вып. 38. – 200 с. ISBN 978-5-317-02898-5

ваемый “мерцательный”, дискретный характер, обилие художественных текстов, которые можно назвать “произведениями с элементами постмодернизма”, где классическая повествовательная традиция “вбирает” приемы иного художественного опыта. Очевидно, что в сознании большинства славянских авторов по-прежнему живы классические традиции их национальных литератур, поэтому в основе их творческой самореализации – поиск синтеза новейшей техники письма с традиционной поэтикой, идей и поэтики постмодернизма – с индивидуальным и национальным материалом.

В эпоху глобализации в славянских литературах возвращение к осознанию национальной идентичности часто происходит через отрицание стандартизации и насаждаемого культа потребления, через возвращение к прошлому нации с осознанием себя ее частью. В сознании большинства славянских прозаиков по-прежнему живы классические традиции национальных литератур, поэтому в основе их творческой самореализации – поиск синтеза новейшей техники письма с традиционной поэтикой, с индивидуальным и национальным материалом. Авторы пытаются по-новому идентифицировать своих героев в региональном, европейском и мировом пространстве, воспринимая самоидентификацию нации, общества, отдельной личности как способ найти “свое” и соотнести его с всеобщим. Литература начала XXI, отражая опыт сознания современного славянина, дает нам представление о противоречиях, присущих человеку эпохи глобализации, который ощущает себя одновременно гражданином мира и уроженцем конкретного края, говорящим на своем языке и обладающим собственной исторической памятью.

Постмодернистская проза в славянских литературах тяготеет к поиску национальных корней и возвращению к национальным традициям. Подобные тенденции могут свидетельствовать лишь об одном: постмодернизм, продолжает пребывать в оппозиции социальному диктату времени, сопротивляется ему, и одним из орудий этого сопротивления выступает национальная идентичность. При этом ее обновление/“перезагрузка” может возникнуть лишь из сложнейшей связи взаимопроникновения и толерантности разных национальностей, сведенных воедино идеей гуманистического существования. Как писал в свое время Н. Бердяев, “национальное единство глубже единства классов, партий и всех других преходящих исторических образований в жизни народов”, ибо “национальность есть проблема историческая, а не социальная, проблема конкретной культуры, а не отвлеченной общности”¹¹.

¹¹ Бердяев Н.А. Судьба России. Опыты по психологии войны и национальности. – М., 1990. – С. 94-95.

Язык, сознание, коммуникация: Сб. научных статей, посвященный памяти заслуженного профессора МГУ Александры Гигорьевны Широковой / Ред. колл.: В. В. Красных, А. И. Изотов, В. Г. Кульпина. – М.: МАКС Пресс, 2009. – Вып. 38. – 200 с. ISBN 978-5-317-02898-5

ЛИТЕРАТУРА

- Глобализация: контуры XXI века. ИНИОН РАН. Часть III. – М., 2004.
- Литература и глобализация (К вопросу идентичности в культурах Центральной и Юго-Восточной Европы). – Любляна, 2006.
- Литературы Центральной и Юго-Восточной Европы: 1990-е годы. Прерывность – непрерывность литературного процесса. ИСл РАН. – М., 2002.
- Многоликая глобализация. Культурное разнообразие в современном мире / Под ред. П. Бергера, С. Хантингтона. – Изд-во Аспект-Пресс, 2004.
- Постмодернизм в славянских литературах. ИСл РАН. – М., 2004.
- Славянство в условиях глобализации и информационных войны. АКИРН. – М., 2002.
- Чумаков А.Н. Глобализация. Контур целостного мира. – Изд-во Проспект, 2009.